

Если случится что-то еще, позже из Цинчжоу пришлют еще письма.

Подумав об этом, Ци Цзюньму придал лицу спокойное выражение.

Он поднял взгляд и случайно заметил сидящего там Шэнь Няня. На мгновение он замер, а затем вежливо произнес:

— Маркиз, усмиритель Севера, на этот раз совершил великий подвиг. Есть ли у вас какое-то особенное желание?

Шэнь Нянь с интересом смотрел на Ци Цзюньму. Он почувствовал, что пауза и выражение лица императора, когда тот взглянул на него, говорили о том, что тот думал: «Почему ты все еще здесь?»

Хотя Ци Цзюньму быстро скрыл это, Шэнь Нянь был уверен, что у него достаточно проницательности, чтобы это заметить.

Видимо, содержание тайного письма сильно беспокоило императора. Если подумать, тот, кто отправляет такие письма, наверняка находится далеко.

А людей, которые волнуют императора, не так много, и среди них вдали находится только великий князь Цзинь.

Положение великого князя Цзинь в сердце императора, видимо, гораздо выше, чем говорят слухи.

Еще одна вещь, которая беспокоила Шэнь Няня, заключалась в том, что император так открыто показал ему тайное письмо. Доверяет ли он ему или просто знает, что Шэнь Нянь не посмеет об этом рассказать?

Император действительно интересный человек, подумал Шэнь Нянь, но на лице он сохранял спокойствие и ответил:

— Облегчать заботы Вашего Величества — долг вашего слуги. Что ни пожелает Ваше Величество, то и приму.

Ци Цзюньму усмехнулся:

— Я думал, ты откажешься от всего.

Шэнь Нянь, обладая густой шкурой, совершенно не смутился от императорской насмешки:

— Ваше Величество, что вы! Ведь я на виду — самый большой герой в этой ситуации. Как же можно отказаться от награды?

Ци Цзюньму не хотел продолжать этот разговор и сказал:

— Не беспокойся, я не обойду тебя.

Шэнь Нянь кивнул, но в отличие от обычных дней, он не улыбался.

Император был не в настроении, и ему не стоило сейчас добавлять масла в огонь. Если император позже решит свести счеты, пострадает именно он.

Шэнь Нянь подумал, что сейчас самое время уйти.

Ведь награда уже получена, и между ними снова установилось взаимопонимание. У императора есть свои заботы, и ему не стоит слишком назойливо оставаться здесь.

Однако события развивались не так, как ожидал Шэнь Нянь. Когда он собрался встать и попрощаться, Ци Цзюньму мягко поманил его:

— Шэнь Цин, Астрономическое управление рассчитало несколько благоприятных дат и названий эр. Мне трудно выбрать. Помоги и тебе взглянуть.

Шэнь Нянь удивился, поднял голову и увидел на лице императора спокойное выражение, как будто гнев, который он видел раньше, был лишь иллюзией.

Шэнь Нянь почувствовал порыв и неожиданно сказал:

— Ваше Величество, если вам не по душе, зачем себя принуждать?

Выражение лица Ци Цзюньму мгновенно стало ледяным.

Видя, как лицо императора напряглось, Шэнь Нянь понял, что сказал что-то неуместное, и почувствовал, как по его шее пробежал холодок.

Ци Цзюньму, задавая вопрос о названии эры, намеренно пытался скрыть свое расстройство, чтобы Шэнь Нянь сделал вид, что ничего не заметил, и это событие было бы забыто.

Если бы Шэнь Нянь был умнее и учитывал их негласное понимание, он бы просто сказал что-то вроде «Астрономическое управление, конечно, рассчитало все правильно» и затем попрощался.

Но вместо этого он прямо высказал мысли императора, словно совсем не дорожил своей головой.

Теперь уже поздно что-либо менять, он уже разозлил императора.

Шэнь Нянь подумал и решил не менять своих слов, продолжая смотреть в холодные глаза Ци Цзюньму и сказал:

— Ваше Величество, я не хотел иного. Вы не скрыли от меня тайное письмо, значит, доверяете мне. Раз доверяете, почему бы не расслабиться при мне?

Услышав это, Ци Цзюньму холодо усмехнулся:

— О? И как же маркиз хочет, чтобы я расслабился при нем?

Ци Цзюньму был красив и благороден.

Шэнь Нянь, прошедший много лет в армии, где грубость и похабные шутки были обычным делом, приехав в столицу, впервые увидел императора, и все остальные краски поблекли. Медленный подъем бровей императора почему-то задел Шэнь Няня, и он неожиданно вырвалось:

— Не могли бы вы улыбаться чаще в моем присутствии.

Ци Цзюньму:

— ...

Шэнь Нянь:

— ...

Шэнь Нянь и Ци Цзюньму смотрели друг на друга.

Шэнь Нянь сохранял невозмутимое выражение лица, но в душе думал, не сошел ли он с ума, осмелившись сказать императору такую дерзость. Если бы он сказал это девушке, его бы назвали наглецом и хулиганом.

Но в случае с императором это было непочтение, за которое можно лишиться головы.

Подумав об этом, Шэнь Нянь изменился в лице, быстро поклонился и сказал с горьким выражением:

— Ваше Величество, я ошибся. Я слишком много болтаю. Сейчас же вернусь домой и буду размышлять о проступках.

Ци Цзюньму усмехнулся:

— Раз ты, важный сановник, знаешь, что говоришь лишнее, может, стоит лишить языка?

— Ваше Величество, не надо, — с жалобным видом умолял Шэнь Нянь. — Я был неправ.

Его вид и поведение были одновременно глупыми и смешными, вызывая и злость, и улыбку.

Ци Цзюньму был императором, но он также был человеком. Видя, как Шэнь Нянь легко воспринимает свои ошибки, он взял несколько докладов с императорского стола и швырнул их в Шэнь Няня:

— Убирайся вон.

Шэнь Нянь судорожно поймал доклады, собираясь аккуратно положить их обратно на стол, чтобы инцидент был исчерпан.

Однако, увидев один из альбомов, Шэнь Нянь замер, и его лицо мгновенно покраснело. В армии он слышал и рассказывал много похабных шуток, но всегда оставался чистым, никогда не посещал увеселительных заведений. Да и на границе было не до таких мыслей.

Теперь, увидев это, он был в полном шоке.

Шэнь Нянь был человеком с изысканными манерами, и его покрасневшее лицо напоминало благородного господина, попавшего в дом терпимости, смущенного и растерянного, что сильно отличалось от его обычного образа.

Видимо, он действительно был невинен.

Хотя Ци Цзюньму стоял перед императорским столом, он заметил, что альбом отличался от докладов, и понял, что это было.

Это была причина гнева вдовствующей императрицы. Альбом был у Жуань Цзицина, который хотел его сжечь, но Ци Цзюньму оставил его у себя, положив на стол.

Он хотел изучить почерк и стиль художника, чтобы найти его.

Но как раз в это время вернулся Ван И, и Ци Цзюньму сосредоточился на его поимке, забыв об альбоме.

И вот теперь, случайно бросив его, он попал в руки Шэнь Няня.

Но это точно не его, в конце концов, Ци Цзюньму думал только об этом.

Шэнь Нянь, подавив смущение, увидел, как обычно спокойный и уверенный император выглядит растерянным и не знающим, что сказать. Он бросил доклады на пол, сунул альбом за пазуху и, с пылающим лицом, нарушив все правила, побежал прочь.

— Ты... — Ци Цзюньму окликнул его, но осекся, безмолвно глядя, как Шэнь Нянь в панике убегает из дворца.

Император стоял, впервые чувствуя, как кожа головы напрягается, а тело будто пронзают иголки.

После ухода Шэнь Няня Ся Го тихо вошел, чтобы прислуживать, и подобрал доклады с пола.

За дверью он слышал, как император кричал Шэнь Няню убираться, а затем увидел, как маркиз, усмиритель Севера, с пылающим лицом выбежал, явно обиженный.

Ци Цзюньму ценил Шэнь Няня, и все слуги знали об этом. Учитывая, что Шэнь Нянь неоднократно совершал великие подвиги, император не должен был так его отчитывать.

Но как слуга, особенно личный слуга императора, он не мог высказывать свое мнение.

Будь то милость или немилость императора, это была судьба Шэнь Няня, и другие могли лишь вздохнуть о непостоянстве мира.

Ся Го был пронцательным. Вид Шэнь Няня при уходе и серьезное выражение лица императора говорили о том, что между ними произошел серьезный конфликт.

В такие моменты он старался не вмешиваться, чтобы не навлечь на себя беду.

Но Ся Го хотел остаться в стороне, а император был недоволен.

Ци Цзюньму, глядя на ничего не подозревающего Ся Го, вспомнил, что альбом был принесен его другом Жуань Цзициным из дворца Жэньшоу, что привело к сегодняшнему инциденту, и почувствовал досаду.

Теперь он смотрел на всех, кто был связан с Жуань Цзициным, с недовольством и сказал с загадочным выражением:

— Уходи, я не хочу тебя видеть.